

ОТНОШЕНИЕ «Я—ДРУГОЙ» В ОДНОЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ ОБЩЕНИЯ¹

А.Н. КРИЧЕВЕЦ, М.В. СОЛОДУШКИНА

В статье рассматриваются индивидуальные способы освоения и интерпретации своей ситуации участниками группы логопсихотерапии, задачей которой является коррекция логоневроза (заикания). Мы рассматриваем эту ситуацию как трудную и даже противоречивую, поскольку от участника требуется частично отказаться от самоконтроля и довериться ведущему группы управление своим состоянием. По нашему мнению, в рассматриваемой ситуации этот аспект только лишь ярче выражен, но присутствует во всякой ситуации общения. С другой стороны, не только психология, но и наша культура вообще не выработала достаточных средств осознания и управления в ситуации общения. Анализ интервью показывает, что путь участника группы в большой степени зависит от его установок по отношению к проблеме передачи управления своим состоянием другому человеку.

Ключевые слова: общение, феноменология, активность и пассивность, интерсубъективность.

1. Постановка проблемы

Статья посвящена частной конкретизации важной проблемы на стыке философии и психологии — проблемы интерсубъективности. Философия — медленная наука, и писавшие на эту тему в XIX и в середине прошлого века — Э. Гуссерль, Ж.-П. Сартр, М. Бубер, Э. Левинас, М. Мерло-Понти и др. — весьма актуальны и в наше время. В современных работах европейских философов они постоянно служат опорой для дальнейшего продвижения феноменологического подхода к интер-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда — проект № 13-06-00590 «Вера как общепсихологическая категория» (части 1 и 3.2) и проект № 15-06-10626 «Когнитивные и личностные факторы повышения эффективности речевого общения» (части 2 и 3.1). This work was supported by the Russian Foundation for Humanities (project № 13-06-00590 «The faith as the subject for general psychology», parts 1 and 3.2; project № 15-06-10626 «Cognitive and personal factors enhance the effectiveness of speech communication», parts 2 and 3.1).

субъективности, для аргументации в обсуждении вопросов когнитивной науки и в полемике с философами аналитической школы [Тенгели 2012; Zahavi 2010; 2003]. В своем интервью Л. Тенгели отмечает, что современное философствование должно исходить «из отказа от сильного понятия “Я” и сильной метафизики “Я”» [Тенгели 2012, с. 236]. Мы и движемся в этом русле, показывая, что Я не может рассматриваться как нечто самодетерминированное и самообладающее [Кричевец 2013; 2010; Петровский 2011]. В данной статье мы обращаемся к конкретной ситуации, в которой Я стоит перед выбором способов продуктивного отказа от самодетерминации или непродуктивного «отказа от отказа».

Среди философов-классиков прошлого века нам важно отметить два контрастных подхода к проблеме интерсубъективности.

Ж.-П. Сартр. В разделе «Взгляд» книги «Бытие и Ничто» выражена следующая позиция автора: Другой человек действует на мое сознание непосредственно, даже самым своим наличием — я становлюсь предметом разглядывания, и моя ситуация и мое сознание меняются мгновенно [Сартр 2000]. Можно сказать так: «быть разглядываемым Другим» — особый феномен. Критики многократно выражали удивление тем, что все примеры, которыми Ж.-П. Сартр иллюстрирует свою экспозицию, это примеры в той или иной степени угрожающего присутствия Другого, хотя понятно, что даже у разглядывания могут быть совсем иные функции. Тем не менее зафиксируем именно этот оттенок: Другой непосредственно меняет мое состояние, я сознаю себя уязвимым в прямом смысле и как тело, и как сознающее себя и удерживающее себя Я, — именно это удерживание ставится взглядом Другого под вопрос. *Другой по своей воле может менять наше состояние вопреки нашей воле.*

Э. Левинас. Другой своей *беззащитностью* передо мной «вскрывает» мою «самотождественность», он меняет мое состояние мгновенно и непосредственно. Эта затронутость Другим столь же разрушительна для удерживающего себя Я, как и взгляд, обращающий меня в предмет, но, как легко понять, ведет к совсем иному состоянию. Сам факт присутствия Другого оспаривает мою «спонтанность», открывая возможность сострадания, долга [Левинас 2000]. Как замечает З.А. Сокулер, «Левинас много пишет об отношении, в котором Я *пассивен!* Вопреки всем философским и нефилософским ассоциациям, которыми нагружена для нас альтернатива активности/пассивности, он настаивает на этическом и онтологическом значении пассивности — что, думается, тоже требует мужества и независимости мысли. Пассивность необходима, чтобы состоялось событие встречи, чтобы я увидел Лицо Другого и принял Другого во всей его друговости» [Сокулер 2008, с. 239]. Проблему пассивности в этом повороте мы рассматривали в работе [Кричевец 2013]. Вывод для наших целей: для того, *чтобы во встрече с Дру-*

гим состоялось событие моего развития, я должен быть специфическим образом пассивным реципиентом воздействия Другого².

По нашему мнению, Э. Левинас, как и Ж.-П. Сартр, затрагивает только часть проблемного поля, в котором следует рассматривать *необходимость* пассивности (в той или иной форме) для человека, вступающего в самые разные отношения с другими людьми (в частности, и для участника наблюдаемой нами группы логопсихотерапии, суть которой будет коротко изложена ниже). Однако Э. Левинас указывает на очень важный для нас аспект проблемы, характерный для культур (в данном случае и нашей), вовлеченных в орбиту европейской культуры: необходимость пассивности очень трудно осознается и плохо концептуализируется, поскольку акцент на «самотождественности»³ является стержнем конституции личности, начиная с декартовского *cogito* и далеко еще не заканчивая самоактуализацией по А. Маслоу.

Чувствительные к подобным тонкостям пишущие на английском языке коллеги-психологи употребляют нынче становящуюся термином транслитерацию «*obschenie*», чтобы в отличие от «*communication*», которая вполне уживается с самодотождественными субъектами коммуникации, обменивающимися информацией и обрабатывающими ее, не меняясь сами, подчеркнуть разомкнутость субъекта общения другому субъекту⁴. Однако и в нашей российской психологии намеченный в 80-е гг. прошлого века потенциал исследований общения именно в этом ракурсе, как нам кажется, не был реализован. Из работ тех лет отметим статью Г.А. Ковалева и Л.А. Радзиховского, в которой показывается, что без радикального переосмысления категории общения невозможно понять развитие высших психических функций в онтогенезе [Ковалев, Радзиховский 1985]. Более того, по мнению авторов, интериоризованные высшие психические функции навсегда сохраняют свой исходно интересубъективный характер. Также отметим раритетные работы А.У. Хараша, в которых коммуникативное состояние определяется как «обобщенное состояние готовности к приему влияний со стороны других людей» (цит. по: [Скрипкина 2000, с. 191]), т. е. некоторого рода пассивность.

В далеко неоднозначно принимаемых коллегами работах Б.Ф. Поршнева противоречие между пассивностью и активностью в отношениях

² Мы не касаемся антагонистических отношений с Другим.

³ «Самотождественный» с заглавной буквы — это один из ключевых терминов Левинаса, он как раз и характеризует европейского человека, не желающего отказываться от и упорно стремящегося к независимости от других.

⁴ Такая транслитерация прозвучала в двух докладах на конференции, посвященной Выготскому, в Лиссабоне в 2014 г. Докладчики сообщили, что не они являются инициаторами и изобретателями такого употребления.

между людьми выражено в терминах суггестии и контрсуггестии. Обе формы отношений, необходимо дополняя одна другую, скрепляют сообщества людей. Суггестия передает и делает общими цели и формы деятельности, контрсуггестия, т. е. дистанцирование от прямого отклика на внушающее воздействие, позволяет человеку приобрести необходимую самостоятельность, которой общество и обязано новообразованиями, новыми формами жизни. И суггестия и контрсуггестия (точнее сказать, склонность принять суггестию, внушаемость, с одной стороны, и способность противостоять внушению, с другой) являются сбалансированными психологическими механизмами, и в таком взаимно дополняющем виде обе принадлежат сфере нормальной психики. Однако, как пишет Е.В. Косилова, поршневикий субъект рождается из духа противопоставления социуму [Косилова, Кричевец 2011].

Обратим внимание, что роль суггестии в *развитии индивида* Б.Ф. Поршнев не рассматривает. В то же время, понятно, что, по крайней мере на ранних этапах развития, внушение является одним из аспектов процесса воспитания. «Послушность», как это выражается на обыденном языке семейного воспитания, в той или иной степени присуща всякому ребенку. Внушение такого рода лишь одна из форм взаимодействия взрослого с ребенком, в которых взрослый проявляет формирующую активность. Мы уже писали раньше о том, что пассивность и активность в таких процессах невозможно разделить, и ситуация внушения не представляет в этом смысле исключения [Кричевец 2013]. Больше того, рассматривать развитие личности «из духа противопоставления обществу» также означает пытаться разделить неразделимое. Воспитатели совсем не редко посылают воспитаннику недвусмысленные призывы быть самостоятельным. Заметим только, что призыв-внушение: «ты должен быть самостоятельным и не позволять себя формировать внушением!» — является по существу парадоксом⁵. Противоречие устраняется в форме внушения «ты должен не позволять себе внушать что попало», которая, однако, предполагает сознательный выбор подвергнуться внушению или его заблокировать. Собственно, индивидуальные способы решения парадокса и будут предметом нашего эмпирического исследования.

Фактически в процессе развития человека развивается и его избирательность по отношению к внушениям. Со временем возможности прямого внушения убывают, но тогда в дело вступают более искусные формы. Множество работ посвящены описанию техник

⁵ Однако такой призыв является действенной идеологемой! С большим сожалением мы откладываем эту тему для более глубокого анализа.

внушения наяву. Мы ограничимся темой использования внушения в контексте развития. В России, например, есть школа, разрабатывающая техники внушения в педагогическом процессе [Новоселова, Косолапова 2013]. Основатель пермской научно-педагогической школы Е.И. Шварц пишет: «Внушение — одно из средств взаимовлияния людей в процессе их общения и деятельности. Характерная особенность внушения состоит в том, что оно оказывает влияние на психику и поведение человека незаметно. Бесконтрольно проникнув в психику человека, внушение реализуется в его жизнедеятельности в виде поступков, стремлений, мотивов и установок» [Шварц 2009, с. 84]. Одну из задач исследования Е.И. Шварц формулирует так: «...задача исследования состоит в поиске оптимальных средств, доступных для пополнения технического арсенала учителя и обеспечивающих эффект внушения» [Там же, с. 145]. Мы думаем, что читатель чувствует некоторую неловкость, читая такой текст. Представляя себя на месте ученика, на психику которого действуют умышленно и незаметно, мы начинаем опасаться, что с самыми добрыми намерениями нас могут попытаться изменить, не спрашивая о нашем желании меняться. Отметим, что приводимые Е.И. Шварцем примеры представляют собой типичные школьные ситуации. Например, рассматривая приказы, Е.И. Шварц акцентирует внимание на том, что в «неавтоматизированных» случаях приказ не действителен, если учитель не обладает авторитетом (делая поправку на административную поддержку позиции учителя, все же признаем правоту автора). Другие примеры демонстрируют ситуативную находчивость учителя, который неожиданным словом и действием может решить трудную проблему, вызванную деструктивным поведением ученика. Некоторые замечания вообще ориентируют на другое: «Практическое применение внушающего воздействия должно покоиться на навыках управления собственными эмоциями, творческой возбудимостью и умении находить точную форму для выражения своих чувств» [Там же, с. 267]. Иными словами, в данном случае опасения, которые мы можем почувствовать, ставя себя на место ученика, возможно, необоснованны. Но в общем случае нам есть чего опасаться, в чем мы убедимся, например, прочитав подробные инструкции по индирективному гипнозу М. Эриксона, которые и разъясняют, как без ведома человека управлять его состоянием.

2. Конкретизация проблемы в случае группы логопсихотерапии

В статье мы проводим качественный анализ процессов, происходящих в группах по логопсихотерапии, работающих по методике Дубровского-Некрасовой-Карповой. Цель группы — полностью или частично

освободить ее участников от заикания. Используемые средства — разнообразные упражнения⁶.

В данной статье мы не ставим задачу оценить эффективность методики или предложить средства ее (эффективности) увеличения. Здесь мы хотим описать и понять индивидуальные установки участников групп, исходя из наших очень общих представлений о ситуации общения. Сталкивая эти представления, своим появлением обязанные скорее философскому дискурсу, с эмпирическим материалом — тестами полуструктурированных интервью с людьми, оказавшимися в ситуации выбора позиции в отношении терапевтического процесса, — мы надеемся извлечь двоякую пользу. Во-первых, понять участников группы, а во-вторых, продвинуться с помощью этих примеров в понимании ситуации общения как таковой.

В группе, о которой идет речь, мы имеем дело с частной ситуацией общения: ситуацией субъекта, который *добровольно вступает в отношения с Другим, обещаящим ему помощь в решении каких-то существенных для него проблем*. Это решение, как он сам понимает, связано с достаточно серьезным изменением его способов жизни. Психотерапевт особо подчеркивает, что метод лечения направлен не только на устранение расстройства речи, но и на формирование новых личностных установок больного [Некрасова 1980]. Казалось бы — что в этом может быть страшного для участника группы? Однако в тексте Некрасовой очень четко говорится о том, что задача ведущего — управлять психологическим состоянием участника (которое Ю.Б. Некрасова рассматривает как принадлежащее промежуточному уровню между чертами характера и изменчивыми психическими процессами): *следует сформировать* такое новое состояние у участника, которое позволит ему среди прочего и говорить без заикания, а затем показать ему возможность самому входить в это состояние и его контролировать. Текст Ю.Б. Некрасовой адресован не актуальному, тем более не будущему участнику группы, а коллегам-психологам, но человек, попадающий в ситуацию участника, чаще всего осознает этот аспект общения в группе — как управление его состоянием извне.

3. Интерпретация результатов эмпирического исследования

В полуструктурированном интервью мы просили нескольких взрослых участников группы (в возрасте от 17 лет до 31 года) рассказать, пре-

⁶ Некоторые детали методики прояснятся в дальнейшем тексте. Подробности можно найти в работах: [Некрасова 1980] и [Кагрова 2014]. В общих словах: занятия начинаются с сеанса эмоционально-стрессовой терапии, где участники с явным использованием внушения вводятся в состояние, в котором они говорят без заикания. В дальнейшем элементы внушения уходят на второй план, лишь аранжируя разнообразные упражнения, помогающие участнику овладеть нужным состоянием.

жде всего, как они относятся к перспективе отдать часть своего суверенитета определенному другому человеку. Как описывают эту ситуацию? Как мотивируют принимаемое решение? Первоначально вопрос задавался в форме: «Доверяете ли Вы ведущему, ко-терапевтам и самой методике?» Затем интервьюер затрагивал контекст — что означает доверять и что делает доверие невозможным, какие цели ставит данный участник группы и т.д. Интересующая нас (в данной работе) часть «сухого остатка» интерпретативного анализа⁷ интервью дается в первой части данного раздела. Во второй части описывается динамика участников. Это описание опирается как на анализ интервью, так и на протокол включенного наблюдения (М.В. Солодушкина участвовала практически во всех занятиях группы) и анализ видеоматериалов.

3.1

Отношение участника к внешнему управлению его поведением, глубже — его состоянием, и в частности к внушающему воздействию, в процессе сеанса эмоционально-стрессовой терапии определяется, с одной стороны, личностными особенностями (для нашей цели точнее назвать эти особенности *самой общей структурой отношений с Другим*) и, с другой стороны, глубиной и серьезностью проблем, которые участник намеревается решать в группе (в наших примерах можно говорить о сознательном намерении, но мы предполагаем, что могут потребоваться и иные подходы). Чем более просты и поверхностны задачи, тем менее остро стоит вопрос о доверии и готовности довериться внешнему воздействию.

Примеры

Участник М. чувствует, что его⁸ заикание закреплено связями с другими чертами личности и что требуются серьезные изменения, чтобы от заикания избавиться, но не представляет, что именно надо приобрести, а что скорректировать. Самой программой предполагается, что в некоторых ситуациях необходимо полное доверие, пассивность. Руководители не просто знакомят с методиками, но настойчиво «зовут» в определенное состояние. Возможно, М. понимает, что как-то откликнуться ему необходимо, но он не может согласиться с тем, как его зовут. М. можно назвать устойчивым скептиком: «Ту информацию, которая может повлиять — ну, вообще любую, получается, — я не принимаю сразу же на

⁷ О методологии такого анализа можно прочитать в [Бусыгина 2009], где даны дальнейшие ссылки.

⁸ Мы кодируем всех участников, независимо от их пола, местоимением мужского рода.

веру, а принимаю ее к сведению просто. И если я вижу, что эта информация может мне помочь, то я принимаю ее на вооружение. Если нет, то просто... она просто есть». Отметим в этом и других его высказываниях интерпретацию общения как передачи информации. Поскольку внушение не есть передача информации, неудивительно, что на сеансе эмоционально-стрессовой терапии М. единственный из группы заблокировал внушение и остался на тот момент со своим не изменившимся заиканием.

Участник Н. Его отношение к процессу можно назвать подозрительным. По тексту интервью понятно, что его недоверчивость глобальна, он разъясняет свою позицию: «Я доверяю тем людям, в которых не вижу корыстных целей». При достаточно точной афористичной оценке методики: «Ну, как по мне, методика очень сильно основывается на самовнушении. Нам внушают в нас, чтобы мы потом внушали в себя, — замечает он. — Мне нравится, но почему-то у меня еще какая-то паранойя, что от меня тут что-то скрывают». Далее: «По сравнению все-таки с теми методиками и видами лечения, что я видел, это даже чисто визуально выглядит более действенно», — и на уровне этого понимания у него нет серьезных возражений. Как он сам признает, не само по себе давление его пугает, и его слова подтверждают то, что на сеансе эмоционально-стрессовой терапии он вовлекается в процесс, доверяет ведущему (в отличие от М.). Сомнения Н. связаны не с давлением как таковым, а с тем, что стоит за этим давлением — точнее, что может за ним стоять. С теми сферами, о существовании которых он смутно догадывается, но их не видит. Ему кажется, что у ведущих есть утаиваемые цели, которые могут менять всю ситуацию и делать ее неприемлемой.

Метафорически выражаясь, М. видит во внушении и давлении обратительную обертку, к которой даже прикасаться не хочется, но приходится, так как очень нужно содержимое. Н. же видит, может быть, не самую красивую обертку, но вполне приемлемую. Он с достаточной долей смирения относится к ней — к тому, что надо «слушаться». Но для ее принятия ему требуется уверенность, что за ней не стоит опасность его использования терапевтами в неизвестных целях (уверенность в том, что содержимое не отравлено). Заметим, что и к интервьюеру Н. относился с тем же недоверием, в чем и признавался.

Участник О. демонстрирует противоположную по сравнению с М. и Н. позицию. О. не считает себя доверчивым («чтобы заслужить мое доверие, надо постараться», — говорит он). Он подчеркивает также, что уровень его доверия может меняться в процессе взаимодействия с человеком, однако, пока О. доверяет, он готов к воздействию на него, которое меняет его состояние, и даже стремится подвергаться такому воздействию. На сеансе эмоционально-стрессовой терапии, по его словам

(в справедливости которых легко удостовериться, просматривая видеозапись сеанса), он очень ярко и позитивно переживает успехи участников-детей, которые после внушающего воздействия со стороны ведущего демонстрировали эмоциональную речь без заикания. Больше того, О. сетует, что организация сеанса была такова, что на него не было оказано такого сильного внушающего воздействия. Прибавим к тому, что он характеризует ведущую группы как «заряжающую энергией» (не только в процессе сеанса), что также указывает на его интерес к воздействию извне. Интервью показывает, пожалуй, что О. несколько разочарован в методике именно потому, что та недостаточно «чужда», т. е. не меняет его без его участия и усилий. Продолжая метафору, можно сказать, что у О. нет подозрений в том, что «начинка» отравлена (как у Н.), и нет сопротивления форме («обертке») (в отличие от М.). Однако эта форма вызывает нечто противоположное — разочарование (хотелось более твердой формы).

Мотивация избавления от заикания у участника П. весьма сильная: он, как и М., осознает, что эта его проблема не локальная. Для П. вся ситуация изначально под сомнением — он много прочел про проблему заикания и понял, насколько она сложная, как трудно поддается коррекции. Но, осознавая, что отрицательный настрой сразу сведет на нет все возможные результаты, он делает над собой волевое усилие и, не отказываясь от сомнений, тем не менее как бы «отодвигает» их на время. П. говорит, что «сознательно вывел себя к первому занятию на нейтральный и чуть выше уровень». Можно сказать, что он произвольно и с усилием приводит себя в состояние восприимчивости («давай мы дойдем до конца группы, сделаем все, что от нас потребуют, выложимся, а потом уже будем давать оценку и себе, и будущему, и всему остальному»). Благодаря сильной (и осознаваемой им) мотивации он готов принимать предложенные упражнения, поскольку видит, что они рассчитаны на помощь ему не только в локальной проблеме заикания, но и в глобальной проблеме изменения его личности («Я во многих, если не во всех, случаях понимал, для чего. Может, не до конца, конечно, я не специалист. Но я сразу себя спрашивал, зачем, — если я находил ответ, я с еще большим энтузиазмом брался за выполнение этого задания»).

В течение дальнейшей работы оказалось также, что для вовлеченности в процесс необходимо справиться не только с этими сомнениями. П., особенно поначалу, часто приходится преодолевать требования того образа Мужчины, с которым он себя отождествляет. «Я чувствовал себя раньше серьезным чересчур человеком, таким мужчиной, и я думал, так должен вести и чувствовать себя мужчина. Перебарывая, заставляя себя местами что-то делать, я потом понимал, что то ощущение — это фикция. Я думал [прежде], что мужчины себя так не ведут или не должны

вести...» (имеется в виду — выполнять упражнения, в процессе которых он выглядит, по его мнению, смешным). То, что мотивирует его преодолевать себя (и это преодоление успешно), — рациональное понимание, что это необходимо.

У участника Р. имеет место отчужденность от некоторых своих переживаний, в особенности тех, что связаны с неприятием и агрессией. Ему трудно признаться даже себе в том, что он может злиться и раздражаться. Он рассказывает, что может из спокойного состояния вмиг перейти к аффективной агрессии, и эта вспышка, по его словам, происходит как будто бы сходу. Он словно не чувствует постепенного накопления отрицательных эмоций в промежутке между покоем и вспышкой.

Вероятно, по причине этой закрытости по отношению к своей, условно говоря, «темной стороне» его ситуация выглядит неясной. Он говорит о доверии методике, которое рационально обосновано, ведь он в течение долгого времени ее изучал, знает ее суть, общался с теми, кто ее уже проходил. Единственное, по его словам, что немного смущало поначалу, — это неровные успехи предыдущих участников, но Р. решает, что методика будет действенной для него, если в нее добавить свои собственные практики (что он и делает почти сразу, как только начинается группа). Проблема, которую Р. ставит во главу угла как причину речевого недостатка (и, судя по всему, небезосновательно), — это страх оценки. Таким образом, его мотивация глубока и серьезна. Однако сопротивление у Р. есть, хотя и проявляется неявно, проглядывая из некоторых ситуаций (иногда неожиданно для него самого). Например, на первом сеансе эмоционально-стрессовой терапии Р. сталкивается со странным для него опытом. В нем происходит какая-то буря, которую он и не понимает, и с трудом контролирует: «Я чуть не взорвался. Это какой-то всплеск эмоций был... У меня очень сильно тряслось правое колено. Я не мог его остановить... это было похоже на состояние — видел в Интернете, — как в церкви изгоняют бесов... вот такое, что что-то хочет выйти, ты вроде ничего такого, спокоен, а внутри какая-то борьба. Как будто душа твоя с чем-то борется». Р., как можно понять, не относит произошедшее к себе самому и просто «отодвигает» ситуацию («я решил все свои неудачи или какие-то странные эмоции, странные состояния — не вспоминать о них. Я отмечаю только положительные аспекты в методике. И постоянно думаю о них для поддержания настроения»), и по этой причине сложно сказать, где могут возникнуть трудности и как он сможет с ними справиться (ввиду непроявленности и неосвоенности того, что мы условно назвали «темной стороной»).

Участник С. считает себя не внушаемым и заявляет, что на сеансе эмоционально-стрессовой терапии этот «как бы гипноз» его смутил, потому что он «с недоверием относится к такого рода практикам». Тем не менее, увидев его результативность (он был одним из последних в очере-

ди), С. выполнил все требования ведущей, вполне успешно вовлекшись во взаимодействие. В обсуждении он разъяснил, что для него главное — понять, зачем нужно то или иное требование к нему. Вопрос приемлемости формы, «обертки» — внушения, навязывания, давления — для него поначалу стоит как будто так же остро, как и у М., но причины этого другие. Недоверие у С. сменяется доверием (в отличие от М.), причем ему не приходится даже прикладывать для этого усилий — ситуация проясняется, и этого оказывается достаточно. Скрытые интересы ведущих не представляют для него проблемы, достойной обсуждения. Интересна рефлексия С.: контроль над внушением и подобными внешними влияниями необходим для того, чтобы не впасть в конформизм, который для него плох сам по себе: «Навязанные стереотипы — это не то, человек должен сам познавать мир, через призму своего понимания». С другой стороны, если будешь слишком недоверчив, «тогда есть вероятность, что многие положительные советы ты пропустишь мимо ушей. Да, может быть, ты потом к ним придешь, но как бы не было слишком поздно».

3.2

Мы оцениваем динамику участников, опираясь на наше понимание существа процесса терапии. По Ю.Б. Некрасовой, работа ведется на уровне психических состояний, которые не обязательно должны становиться устойчивыми чертами личности. Личностные изменения необходимы в том случае, если такие состояния несовместимы с имеющимися личностными возможностями. Искомое состояние, в котором речь будет порождаться гладко, разумеется, у каждого участника будет своеобразным и опираться на его собственные основания. Мы называем *исходящим от ведущих группы наброском искомого состояния* ту систему указателей на это состояние, которая должна быть более или менее отчетливо «считана» и понята участником как своего рода путеводная нить. Первым ярким указателем является внушающее воздействие, оно показывает участнику психическое состояние (не им порожденное), в котором он может говорить правильно. Дальнейшая работа участника состоит в том, чтобы «присвоить»⁹ это состояние. Назначение дальней-

⁹ Напомним приведенное выше мнение Г.А. Ковалева и Л.В. Радиховского о том, что интериоризованная функция сохраняет межсубъектный характер. В данном случае это очевидно верно: заикающаяся речь — всегда intersубъективная речь. Внешним образом индуцированное на сеансе состояние располагается «в межсубъектном пространстве», в котором, кроме ведущих, и слушатели помогают это состояние поддерживать. Интериоризация перестраивает опоры и делает подобное состояние достижимым и работоспособным (к нему-то и относится наше понятие «набросок») в других intersубъективных ситуациях.

ших упражнений состоит именно в приобретении средств овладения состоянием и опыта их использования. Динамика участника понимается нами в этой концептуальной рамке.

Ожидания от метода у участника М. можно назвать противоречивыми. М., опасаясь за свою целостность, держит себя «под замком». Заблокировав внушение на сеансе эмоционально-стрессовой терапии, он заблокировал также и возможность понимания наброска. Понимание целей ведущих у него вначале неясное, в процессе кое-что проясняется (например, «в какой-то момент пришло понимание, что на самом деле не настолько важно содержание того, что ты говоришь, чем сам способ. Т. е. вообще по сути всем на то, что ты скажешь, по барабану»), но принять даваемое он все равно не может, поскольку для этого ему надо проходить через то, что, по его словам, противно его природе. М. видит, что метод работает, если прикладывать достаточно серьезные усилия (у многих других участников получается больше, чем у него), и одновременно, понимает, что невозможность принять давление, которое на него оказывается, ставит под вопрос его успех. Ожидания М. в период прохождения программы держатся на среднем уровне, но затем, после прохождения, когда ситуация с его речью ухудшается (несмотря на то что он продолжает выполнять многие упражнения самостоятельно), он разочаровывается — и все же лишь частично, поскольку продолжает общаться с группой и видит успехи других участников. Его вывод, по-видимому, справедлив: он должен адаптировать метод под себя, самостоятельно сделать подходящую для себя версию метода.

Ожидания Н. также достаточно противоречивы. Он довольно многого ждет от методики. Но именно от методики, а не от себя (в отличие, например, от М., который напряженно выбирает, что ему подходит, а что нет — для самостоятельной работы). Н. соглашается на давление — именно *соглашается* — без какой-либо осознанной позиции в отношении этого давления (нет ни радостного желания окунуться в новое состояние, как у О., ни готовности откликнуться, как у П., ни настойчивого сопротивления, как у М.). Сам Н., несмотря на выраженность своего речевого недостатка (который, по его признанию, мешает ему в жизни), не особенно желает активно участвовать в творческом изменении своей личности. По-видимому, за его подозрениями в отношении скрываемых мотивов ведущих группы стоят проблемы более важные, чем заикание, которые и останавливают его от того, чтобы включиться в работу более осознанно и принять предлагаемый набросок состояния. Он понимает, зачем необходимо внушение, зачем нужно то или иное упражнение, но его включенность ограничена, и задачи, над которыми он действительно хочет работать и работает, представляют собой только вершину айсберга его трудностей.

Ожидания О. перед началом программы смутные, но позитивные, похожие на ожидание чуда: «что-то там вот будет такое». Он полностью доверяет ведущей, больше того, восхищается ею. О. ждет только хорошего, но эти ожидания не вполне соответствуют предлагаемому наброску. Сначала он ждал мощного воздействия и был готов с удовольствием ему поддаться, веря в то, что именно это ему и необходимо. С течением времени, по его собственному признанию, О. уже не воспринимает происходящее на группе как то, что сулит ему огромные изменения в лучшую сторону, но понимает, что надо работать, и действительно работает, хотя и без особенного энтузиазма. В целом, заикание в его жизни не доставляет большого дискомфорта и является небольшой локальной трудностью. О. не понимает смысла всех методик, и тут очевидно, что для него многие методики, в особенности рассчитанные на преодоление страхов, действительно не представляют ценности, поскольку выполняет он их с видимой легкостью и сам неоднократно говорит о том, что для него нахождение в группе очень комфортно.

П. начинал с сомнений, но сомневался лишь в эффективности методики, у него были только опасения довериться впустую. После первых преодолений ему (одному из немногих) удалось почувствовать в себе предлагаемый набросок, и это вызвало огромное желание работать дальше, продолжать в том же духе. Как мы уже говорили выше, он понимает смысл большинства упражнений и с энтузиазмом их выполняет. Впоследствии, по мере прохождения методики, первые успехи вызвали в нем окрыленность, граничащую с эйфорией («моя уверенность, и настрой, и вера далеко ушли за плюс туда — я даже не знаю, насколько»), что могло впоследствии привести его к некоторому разочарованию и снижению доверия. Вероятно, отчасти это и случилось — впоследствии вместе с описанным ниже участником Р. они осуществляют много дополнительных практик, не предусмотренных методикой (вне группы постоянно создавая себе ситуации, в которых приходилось бы преодолевать страх оценки), без выполнения которых, как им видится, успеха не достичь.

Динамика видимых ожиданий Р. похожа на П. Изначально Р. приходит в группу также с сомнениями в эффективности методики, но верит в то, что его усилия позволят извлечь из нее нужный результат. Затем наступает период окрыленности и веры в то, что сбудутся даже самые высокие ожидания, сменяющийся некоторой разочарованностью и возвращением к расчету прежде всего на собственные практики. Р. также почти всегда понимает, для чего осуществляется то или иное воздействие (к слову сказать, иногда понимает по-своему, не обращая внимания на корректировки ведущих), и, судя по всему, уверен, что почти все составляющие процесса ему необходимы. Недоверия конкретным ведущим он, во всяком случае, не декларирует.

С. пришел на группу с верой в то, что методика эффективна. Первоначальные сомнения по поводу необходимости внушения развеялись после того, как он увидел положительный результат у других участников. Цели последующих методик ему были понятны сразу (а цели ведущих у С. отождествляются с целями методик) в связи с его знаниями в области психологии, и сомнений уже не осталось — таким образом, ожидания от программы продержались приблизительно на одном уровне до конца группы. Этот уровень можно назвать уровнем трезвых позитивных ожиданий, без больших разочарований и без чрезмерных надежд. Стоит заметить, что его ожидания достаточно локальны — связаны лишь с избавлением от заикания. О том, чтобы изменяться кардинально (например, стать более уверенным в себе), речи не идет (и это, судя по всему, действительно не требуется). С., как нам кажется, не вдохновляется предлагаемым наброском, но, возможно, как раз потому, что он и так находится в близком к нужному состоянии. Для того чтобы вовлекаться в работу, ему необязательно эмоционально довериться — важнее *увидеть, понять*, зачем это действие нужно, что именно происходит. Как мы уже писали, скрытые мотивы ведущих его не интересуют.

4. Выводы

В нашей работе мы начали сбор эмпирического материала с отдаленной целью создания типологии способов синтеза аспектов активности и пассивности (страдательности) человеком в ситуации общения. Уже небольшое число примеров (а мы в статье использовали почти весь собранный материал) показывает, что пассивность в общении является необходимой стороной, что контроль пассивности может принимать различные формы и что от этих форм зависит продуктивность общения.

Однако интерес данной нашей работы состоит не только в этом. На психологическом уровне ситуация группы логотерапии важна для нас как специфическая ситуация общения, где запрос на изменение сформулирован одной стороной и ответ на него обещан другой стороной при условии согласия на «внешнее управление» состояниями первой. Согласие добровольное, но управление остается управлением. Наша задача — описать управляемое Я в перспективе первого лица (используя здесь удачный оборот, введенный аналитической философией). В психологической и околопсихологической литературе нет недостатка в описаниях таких ситуаций от лица *управляющего*, управляемое же лицо всегда остается здесь *третьим*, по существу оказывается только объектом воздействия. Но в менее отчетливой форме в любой ситуации общения одна из сторон обязательно находится в «страдательной» позиции, а в ситуации глубокого общения страдательной позиции причастны оба (*первых*) лица. Как видно из наших примеров, эта «страдательность» вполне уживается с приемлемым уровнем контроля своих состояний, а различные формы контроля оказы-

ваются более или менее продуктивными для решения тех или иных задач, связанных с большими или меньшими изменениями личности участника.

Обратим внимание, что чрезмерный контроль и блокировка «страдательности» оказываются непродуктивными в нашей специальной ситуации, в которой по замыслу организаторов некоторый уровень пассивности или страдательности должен быть допущен участником.

Обратим внимание также, что даже в этой очень специальной ситуации общения один из наших участников с радостью позволяет «заражать себя энергией» (такая радость знакома многим из нас) и даже с радостью подвергается внушению со стороны лица, которому доверяет. В ситуации, когда задача общения есть само это общение, такая радость может выходить на первый план. В результате мы полагаем, что в психологии общение следует рассматривать как взаимное управление состояниями.

Что касается «экспорта» наших результатов в область философии, то их можно считать иллюстрацией к тенденциям так называемой (пост)феноменологии¹⁰, развиваемой в наши дни прежде всего во Франции, но подхваченной также в остальной Европе, а в последние годы и в России. Речь идет о развитии линии, начатой упомянутыми классиками, которое центрировано на ситуациях изменения феноменологического горизонта, в частности происходящего во взаимодействии «Я-Другой». В русском переводе статьи Мальдине она названа ситуацией «сверхстрастности» (фр. *transpassibilité*) — кардинальное развитие А. Мальдине связывает со столь же кардинальной «страдательностью», в частности в отношениях с Другим [Мальдине 2014].

ЛИТЕРАТУРА

- Бусыгина Н.П. Феноменологический и герменевтический подходы в качественных психологических исследованиях // Культурно-историческая психология. 2009. № 1. С. 57—65.
- Ковалев Г.А., Радзиховский Л.А. Общение и проблема интериоризации // Вопросы психологии. 1985. № 1. С. 110—120.
- Кричевец А.Н. Пассивность в деятельности. За пределы оксюморона // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 31. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n31/880-krichets31.html> (дата обращения: 20.10.2015).
- Кричевец А.Н. Cogito, Другой и представления о психическом // Психологические исследования. 2010. № 5(13). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n5-13/377-krichets13.html> (дата обращения: 20.10.2015).
- Косилова Е.К., Кричевец А.Н. Субъект и Другие // Вестник Московского университета (Серия 7. Философия). 2011. № 6. С. 78—102.
- Левинас Э. Избранное: Тотальность и бесконечное. М.; СПб.: Культурная инициатива: Университетская книга, 2000. 416 с.
- Мальдине А. О сверхстрастности // (Пост)феноменология. Новая феноменология во Франции и за ее пределами. М.: Академический проект, 2014. С. 151—203.

¹⁰ Именно так эти философы себя обозначают [Мальдине 2014].

- Некрасова Ю.Б. Сеанс психотерапевтического воздействия и некоторые психические состояния заикающихся // Вопросы психологии. 1980. № 3. С. 32—40.
- Новоселова А.С., Косолапова Л.А. Взаимодействие убеждения и внушения в процессе социализации и ресоциализации подростков и молодежи // Вестник ПГГПУ (Серия № 1. Психологические и педагогические науки). 2013. № 2. С. 5—18.
- Петровский В.А. Мыслью? — Да! Но существую ли? // Культурно-историческая психология. 2011. № 3. С. 12—26.
- Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. М.: Республика, 2000. 636 с.
- Скрипкина Т.П. Психология доверия. М.: Academia, 2000. 264 с.
- Сокулер З.А. Герман Коген и философия диалога. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 312 с.
- Тенгели Л. Интервью с профессором Ласло Тенгели: Университет Вупперталя: 2 июня 2012 г. Часть 1 / пер. с нем. А. Козыревой, Г. Чернавина // Horizon: Феноменологические исследования. 2012. Т. 1. № 2. С. 232—247.
- Шварц И.Е. Внушение в педагогическом процессе // Учитель: Книга о профессоре Израиле Ефремовиче Шварце / сост. Н.Г. Липкина, Л.А. Косолапова, А.И. Санникова, Б.М. Чарный. Пермь: Книжный мир, 2009. С. 79—387.
- Карпова Н.Л. Lev Vygotsky's ideas in family group logopsychotherapy // Psychology in Russia: State of the Art. 2014. Vol. 7. № 3. P. 90—99.
- Zahavi D. Empathy, Embodiment and Interpersonal Understanding: From Lipps to Schutz // An Interdisciplinary Journal of Philosophy. 2010. Inquire, Vol. 53. № 3. P. 285—306. doi:10.1080/00201741003784663
- Zahavi D. Intentionality and Phenomenality: Phenomenological Take on the Hard Problem // The Problem of Consciousness: New Essays in Phenomenological Philosophy of Mind. Canadian Journal of Philosophy. 2003. Vol. 29. Special issue (Supplement 1). P. 63—92. doi:10.1080/00455091.2003.10717595

THE «I—OTHER» RELATIONS IN ONE SPECIAL SITUATION OF COMMUNICATION

A.N. KRICHEVETS, M.V. SOLODUSHKINA

The individual ways of the stutter correction group participants are considered in the article. We see this situation as difficult and even antinomical for participant because it requires the his partial rejection of self-control and a trust in handing over his consciousness to the group leader. We assume that this aspect of communication is expressed only stronger in the situation considered here, but is presented in all kinds of communication. On the other hand, not only psychology, but also our culture lacks in adequate measures for understanding and control of such a processes in the communication. Our analysis of participant's interviews shows that the participant's way in the correctional process depends on ones attitudes towards the problem of handing control over one's condition to the group leader.

Keywords: communication, phenomenology, activity and passivity, intersubjectivity.

REFERENCES

- Busygina N.P.* Fenomenologicheskii i germenevticheskii podkhody v kachestvennykh psikhologicheskikh issledovaniyakh. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. 2009. № 1. P. 57—65.
- Kovalev G.A., Radzikhovskii L.A.* Obshchenie i problema interiorizatsii. Voprosy psikhologii. 1985. № 1. P. 110—120.
- Krichevets A.N.* Passivnost' v deyatel'nosti. Za predely oksyumorona. Psikhologicheskie issledovaniya. 2013. T. 6. № 31. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n31/880-krichevets31.html> (data obrashcheniya: 20.10.2015).
- Krichevets A.N.* Cogito, Drugoi i predstavleniya o psikhicheskom. Psikhologicheskie issledovaniya. 2010. № 5(13). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n5-13/377-krichevets13.html> (data obrashcheniya: 20.10.2015).
- Kosilova E.K., Krichevets A.N.* Sub"ekt i Drugie. Vestnik Moskovskogo universiteta (Seriya 7. Filosofiya). 2011. № 6. P. 78—102.
- Levinas E.* Izbrannoe: Total'nost' i beskonechnoe. Moscow: Publ. St. Petersburg: Publ. Kul'turnaya initsiativa: Universitetskaya kniga, 2000. 416 p.
- Mal'dine A.* O sverkhstrastnosti. (Post)fenomenologiya. Novaya fenomenologiya vo Frantsii i za ee predelami. Moscow: Publ. Akademicheskii proekt, 2014. P. 151—203.
- Nekrasova Yu.B.* Seans psikhoterapevticheskogo vozdeistviya i nekotorye psikhicheskie sostoyaniya zaikayushchikhsya. Voprosy psikhologii. 1980. № 3. P. 32—40.
- Novoselova A.S., Kosolapova L.A.* Vzaimodeistvie ubezhdeniya i vnusheniya v protsesse sotsializatsii i resotsializatsii podrostkov i molodezhi. Vestnik PGGPU (Seriya № 1. Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki). 2013. № 2. P. 5—18.
- Petrovskii V.A.* Myslyu? — Da! No sushchestvuyu li? Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. 2011. № 3. P. 12—26.
- Sartr Zh.-P.* Bytie i nichto. Moscow: Publ. Respublika, 2000. 636 p.
- Skripkina T.P.* Psikhologiya doveriya. Moscow: Publ. Academia, 2000. 264 p.
- Sokuler Z.A.* German Kogen i filosofiya dialoga. Moscow: Publ. Progress-Traditsiya, 2008. 312 p.
- Tengeli L.* Interv'yu s professorom Laslo Tengeli: Universitet Vuppertalya: 2 iyunya 2012. Chast' 1 (per. s nem. A. Kozyrevoi, G. Chernavina). Horizon: Fenomenologicheskie issledovaniya. 2012. T. 1. № 2. P. 232—247. (in Russ).
- Shvarts I.E.* Vnushenie v pedagogicheskom protsesse. In: Uchitel': Kniga o professore Izraile Efremoviche Shvartse (sost. N.G. Lipkina, L.A. Kosolapova, A.I. Sannikova, B.M. Charnyi). Perm': Knizhnyi mir, 2009. P. 79—387.
- Karpova N.L.* Lev Vygotsky's ideas in family group logopsychotherapy. Psychology in Russia: State of the Art. 2014. Vol. 7. № 3. P. 90—99.
- Zahavi D.* Empathy, Embodiment and Interpersonal Understanding: From Lipps to Schutz. An Interdisciplinary Journal of Philosophy. 2010. Inquire, Vol. 53. № 3. P. 285—306. doi:10.1080/00201741003784663
- Zahavi D.* Intentionality and Phenomenality: Phenomenological Take on the Hard Problem. The Problem of Consciousness: New Essays in Phenomenological Philosophy of Mind. Canadian Journal of Philosophy. 2003. Vol. 29. Special issue (Supplement 1). P. 63—92. doi:10.1080/00455091.2003.10717595